

В отличие от Ю. И. Семенова мы все же склонны придерживаться общепринятой точки зрения, относящей возникновение тотемизма к эпохе родового строя, а не к эпохе первобытного стада.

В пятом разделе подробно аргументируется идея об экзогамии как сущности рода, но в то же время, когда автор говорит о происхождении этого института, некоторые его положения, например об осознании вреда кровнородственных половых связей, представляются нам недостаточно убедительными. Нельзя не отметить также довольно произвольное толкование легенды об амазонках. Но с другой стороны, Ю. И. Семенову бесспорно удалось собрать и представить дополнительный материал по проблеме происхождения экзогамии и дуальной организации. Речь идет об интересной интерпретации известных находок в палестинских пещерах Табун и Схул, жители каждой из которых, по мнению автора, представляли собой одну из дуальных частей стада. Наглядно показано соотношение социального и биологического в стаде поздних неандертальцев и борьба между этими двумя началами, а также роль дуально-стадной организации в процессе формирования человека современного вида.

Рецензируемая книга посвящена одной из важнейших проблем марксистской философии и исторической науки. Широта рассмотрения этой проблемы и богатство использованного автором фактического материала, несомненно, являются ее большим и важным достоинством. Рецензенты, как видно из предшествующего изложения, не могут согласиться со взглядами автора на некоторые вопросы антропогенеза и истории первобытного общества. Однако дискуссионность и спорность многих положений книги отражает современное состояние науки о первобытном обществе. Это не недостаток книги, а скорее ее достоинство, которое, несомненно, будет способствовать разрыванию острых и плодотворных дискуссий по кардинальным вопросам антропологии и этнографии. В целом же книга представляет собой серьезный вклад в эти науки.

В. Алексеев, Л. Файнберг

Е. М. Мелетинский. *Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники*. Отв. ред. В. М. Жирмунский, М., 1963, 462 стр.

В последние годы увидело свет значительное число работ по народному эпосу¹. Можно с уверенностью сказать, что ложные антимарксистские толкования эпоса, имевшие место в годы культа личности Сталина, принципиально преодолены. Изучение эпического наследия развивается в настоящее время на здоровой теоретической основе. Это заметно сказалось на общем уровне публикуемых исследований. И все же разработка общей теории эпоса велась у нас до последнего времени недостаточно интенсивно. Большинство появившихся книг и статей, за исключением известных работ В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа² и некоторых других, представляют собой весьма полезные исследования эпоса отдельных народов, в которых, однако, обычно не ставятся проблемы общего характера. Это, разумеется, не может не ограничивать значения и тех выводов, к которым приводят конкретные исследования.

В связи с этим заслуживает внимания недавно изданная книга Е. М. Мелетинского, посвященная происхождению героического эпоса. Новая книга Е. М. Мелетинского заставляет вспомнить другие его работы, публиковавшиеся в последние годы³ и, особенно его монографию «Герой волшебной сказки. Происхождение образа» (М., 1958), вызвавшую живейший интерес советских фольклористов, этнографов и теоретиков литературы и получившую отклик и признание в фольклорно-этнографической печати ряда зарубежных стран⁴. Рецензируемая книга, так же как и другие работы Е. М. Мелетин-

¹ Библиографию работ по эпосу см. в рецензируемой книге, стр. 449—459.

² В. М. Жирмунский, *Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки*. М.—Л., 1962; его же, *Сказание об Алпамыше и богатырская сказка*, М., 1960, и др.; В. Я. Пропп, *Русский героический эпос*. Изд. 2-е, М., 1958; его же, *Основные этапы развития русского героического эпоса*, М., 1958, и др.

³ «Мифологический и сказочный эпос меланезийцев», «Океанийский сборник», М., 1957; «Место нартских сказаний в истории эпоса», в сб. «Нартокий эпос», Орджоникидзе, 1957; «К вопросу о генезисе карело-финского эпоса (Проблема Вяйнямейнена)», «Сов. этнография», 1960, № 4; «О генезисе и путях дифференциации эпических жанров», «Русский фольклор», т. V, М.—Л., 1960; «Предки Прометея. Культурный герой в мифе и эпосе», «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3; «Сказание о Вороне у народов Крайнего Севера (о древних связях Азии и Америки)», там же, 1959, № 1.

⁴ См., например, А. М. Астахова, Е. Мелетинский, *Герой волшебной сказки*. «Сов. этнография», 1960, № 4.

ского, отличается широтой и остротой постановки проблем, привлечением огромного фольклорного и этнографического материала, касающегося многих народов мира.

Известно, что история литературы и даже народного творчества начинается обычно с ранних форм воинского героического эпоса. Е. М. Мелетинский, анализируя наиболее архаические из известных эпических памятников («Калевала», нартские сказания, «Амирани», богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири, «Гильгамеш» и некоторые другие) и сопоставляя их с зачаточными формами эпоса у малых народов Севера и коренных народов Океании и Америки, восстанавливает облик архаической эпикки, непосредственно продолжающей традиции мифологического и сказочного эпоса доклассового общества. Выделение этой древнейшей стадии стало возможным только благодаря привлечению обильного этнографического материала, до сих пор почти не привлекавшегося при решении проблем подобного рода.

Суть концепции Е. М. Мелетинского, если изложить ее в краткой и несколько схематизированной форме, заключается в следующем. Возникшая в период разложения первобытнообщинного строя, героический эпос опирается на традиции повествовательного фольклора доклассового общества. В своем развитии он связан с процессом этнической консолидации на заре политической истории народов. Развитие эпоса, утверждает автор, могло идти по двум основным путям. У тех народов, у которых этническая консолидация ко времени формирования эпоса приобрела государственные формы, исторические воспоминания принимали характер рассказа об определенных событиях и лицах политической истории. В таком случае исторические предания о межплеменных столкновениях, миграциях и т. п. были главным источником формирования эпоса. Так складывались «Илиада», «Махабхарата», «Нибелунги», «Песня о Роланде», романсы о Сиде, «Давид Сасунский», «Манас» и большая часть героических песен славянских народов. Е. М. Мелетинский предлагает называть эти формы эпоса «классическими». В отличие от них существуют архаические формы эпоса, ядро которых складывалось до того, как этническая консолидация народа — носителя эпоса достигла государственности. Исторические воспоминания в них часто облекаются в мифологическую оболочку, исторический фон и героика коллективной борьбы изображаются посредством мифологических образов. Богатырь здесь рисуется племенным предком (а поскольку племя и человечество отождествляются, то и общечеловеческим предком), борьба с иноплеменниками сливается с борьбой против злых духов, демонов болезней и иных проявлений стихийных сил природы. Повествование об историческом прошлом часто приобретает в эпосе этих народов форму рассказа о начале человеческой жизни, о добычании богатырями необходимых культурных благ и о защите этих благ от «чудовищ», мешавших мирной жизни «человеческого» племени. Эпос историчен на всех этапах его развития, но исторические предания в узком смысле являются лишь второстепенными источниками архаической эпикки; они часто сосуществуют, не смешиваясь между собой. Главным же источником эпической архаики являются традиции первобытного фольклора, в первую очередь сказания о первопредках — культурных героях и богатырские сказки-песни.

Е. М. Мелетинский считает, что культурный герой-первопредок — центральная фигура первобытного фольклора, связанная генетически с этиологическими мифами, поставшая затем центром циклизации как различных слабо дифференцированных разновидностей сказки, так и протогероических сказаний. Он высказывает мнение, что при первобытнообщинном строе только мифический герой обладает достаточной свободой деятельности, чтобы быть героем. Вместе с тем он должен быть воплощением чисто человеческого начала, а не каких-либо сил природы. Культурного героя исследователь считает олицетворением родоплеменного коллектива (типическое как олицетворение коллектива, первобытной общины в целом).

На другом полюсе первобытного фольклора, по мнению Е. М. Мелетинского, стоит эмбриональная форма сказки в виде «мифа-былички», повествующая о необычайных происшествиях различного рода, в том числе о контактах, столкновениях и любовных связях с духами-хозяевами, тотемными животными и т. п. отдельных людей, рядовых членов первобытной общины. Эти герои безличны, полностью зависимы от стихийных сил природы, они все похожи друг на друга (типическое — каждый, любой член первобытной общины). Эти две первоначальные формы типизации (коллектив в целом и каждый ее член) впоследствии синтезируются в образе богатыря.

Первобытная сказка типа мифологической былины по мере овладения человеком силами природы и роста индивидуального самосознания на фоне начинающегося разложения родового строя постепенно перерастает в богатырскую сказку-песню (типа нивхского «настунд», ненецкого «сюдбабц» и отчасти «ярабц» и т. п.), где из безличного рядового члена общины развивается образ исключительной личности — богатыря. Это еще не героический эпос в собственном смысле слова, а одна из его предшествующих форм. В ней узок эпический фон, подвиги богатыря еще не связаны прямо с интересами коллектива, но соответствуют идеальным нормам поведения и в конечном счете, традиционным родовым обычаям (брак с «далекой», но «суженой» из определенного рода, родовая месть и т. д.), которые когда-то были общеобязательными, а теперь реализуются в богатырском подвиге.

В книге подвергается систематическому анализу ряд архаических памятников в связи с этногенезом и историческими судьбами народов — носителей эпоса.

Важнейшие герои архаических эпосов (Вийнямейнен и Илмаринен в «Калевале», якутский Эр-Соготок, осетино-адыго-абхазский Сосруко, грузинский Амирани, Гильгамеш и Энкиду в шумеро-аккадском эпосе и др.) оказываются в генезисе культурными героями или первопредками. Их борьба с чудовищами порой приобретает характер добывания культурных благ у их первоначальных хранителей, либо защиты племени «настоящих людей» от демонских сил. В этом плане, в частности, хорошо разъясняется сюжет борьбы за Сампо в карело-финских рунах, различные формы идеализации богатырства, богоборческие мотивы (Амирани, Батрадз, Гильгамеш), своеобразное сочетание строптивости богатыря и верного служения коллективным интересам и т. д.

Анализ архаических эпосов составляет основное содержание книги Е. М. Мелетинского. Последняя глава посвящена переходу от архаической эпикой к классической, различным путям формирования классических эпосов. Автор считает, что наряду с основным путем создания героического эпоса на основе исторического предания, некоторые развитые эпосы вырастают из архаической эпикой. В этом плане интересны замечания и отдельные наблюдения, связанные с «Рамаяной». К сожалению, взаимоотношения классических и архаических форм эпоса не исследуются в книге во всей полноте. Этой проблеме посвящаются краткие экскурсы в область изучения «Давида Сасунского» (гл. II) и «Манаса» (гл. III) и последняя глава, имеющая характер эпилога. Между тем, изучение конкретных форм классического героического эпоса (например, русских былин, «Джангара», «Гесэра» и т. п.) могло бы сильно продвигнуться, если бы удалось с полной отчетливостью выделить, систематически проанализировать и сопоставить эти два больших этапа в жизни народного эпоса.

Такова в общих чертах концепция книги. Она отличается оригинальностью и теоретической новизной, стремлением установить не только общие закономерности, но и особенности развития эпоса отдельных народов или групп народов, в связи с своеобразием истории.

Подобный же подход к материалу отличал и первую книгу Е. М. Мелетинского, в которой исследовался генезис волшебной сказки. Решение проблем генетического характера всегда связано с известными теоретическими реконструкциями, детали которых всегда могут быть оспорены. Разумеется, и в книге Е. М. Мелетинского есть страницы более убедительные и менее убедительные. Однако нам хочется подчеркнуть, что, по нашему представлению, путь, избранный Е. М. Мелетинским, правилен. Фольклористика сможет выяснить общие закономерности возникновения и развития фольклора и вместе с тем понять все его разнообразие, только отрешившись от упрощенных моногенетических объяснений. Талантливая, богатая материалом и яркая в теоретическом отношении книга Е. М. Мелетинского очень способствует этому.

Успех книги Е. М. Мелетинского объясняется прежде всего его тесной связью с традициями советской фольклористики. Он сам называет В. Я. Проппа и в особенности В. М. Жирмунского своими предшественниками и учителями. Именно эти ученые отказались от схоластической реконструкции эпических праформ в пользу исследования живой эпической традиции в ее архаических формах. Е. М. Мелетинский, развивая эту идею, углубляется именно в первоначальные истоки. Вместе с тем он полемизирует по некоторым вопросам со своими предшественниками, например с В. Я. Проппом, в толковании эпического сватовства и хтонических мотивов.

Необходимо подчеркнуть еще одну сторону исследования. Известно, что проблемы «миф-эпос» и «миф-сказка» особенно популярны в современной зарубежной фольклористике. Резко критикуя распространенный на Западе неомифологизм (ритуально-мифологическая теория) и полемизируя с его адептами (Ф. Рэгландом, Э. Миром, Ш. Отраном, Ж. Дюмезилем, Ян де Фризом, Г. Р. Леви и др.), Е. М. Мелетинский вместе с тем не отрицает значения первобытного (в значительной мере «дорелигиозного», точнее идеологически синкретического) мифологического эпоса о первопредках — культурных героях для развития героического эпоса. Он показывает, как мифология из «почвы» постепенно превращается в «арсенал», в поэтический реквизит эпического стиля.

Итак, книга Е. М. Мелетинского — отрадное и заметное явление в нашей фольклористической литературе. Ее появление свидетельствует о серьезности, с какой наша наука ставит важнейшие вопросы генезиса, истории и теории фольклора.

К. Чисров